

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА БУНДА: КОРРЕКТИВЫ 1917 ГОДА

Рассматриваются проблемы формирования национальной программы Бунда и ее эволюция: от идеи «Федерации национальностей» к культурно-национальной автономии, понимаемой сначала как универсальный способ решения национального вопроса в России, а затем (1917 г.) - как способ решения еврейского вопроса.

Для советских историков Бунд был, как известно, олицетворением оппортунизма и национализма [1-5]. Но и в постсоветской историографии «прорыва» в переосмыслении истории Бунда, в том числе его национальной политики и программных установок, не произошло. Современная историография Бунда немногочисленна [6-8], а специальных работ, посвященных анализу национальной программы партии и ее политики в национальном вопросе, имеются и вовсе единицы [9-10]. А между тем именно Бунд являлся катализатором обсуждения национального вопроса в российской социал-демократии, который до 1903 г. не обсуждался совсем. Лидеры Бунда внесли в среду российских социал-демократов вопрос о нации, которым последние, в отличие от западных социалистов, не занимались. Из двух концепций, разрабатываемых западной социал-демократией, - историко-экономической К. Каутского и психологической К. Реннера, бундовцы избрали вторую и разработали на этой основе программу экстерриториальной культурно-национальной автономии. В современных условиях, особенно в связи с принятием в 1996 г. Закона РФ «О национально-культурной автономии», история разработки идеологами Бунда программы культурно-национальной автономии приобретает особую актуальность.

Творцы этой концепции, лидеры австрийской социал-демократии К. Реннер и О. Бауэр, исходили из того, что ни декларирование гражданских прав и свобод, ни конституционное провозглашение национального равноправия не обеспечивают правовых гарантий национальной свободы, так как не определяют субъекта национальных прав. Не может гарантировать защиту национальных интересов территориальная автономия, поскольку субъектом государственных прав в этом случае является территория, а не национальность. Более того, именно в предоставлении территории, а не национальному сообществу статуса носителя национальных прав австрийские марксисты и усматривали первопричину межнациональных конфликтов и нарушения национальных прав. «Чистый территориальный принцип, - писал О. Бауэр, - повсюду выдает меньшинство в руки большинства. ... Осуществление территориального принципа в чистом его виде означает, что каждая нация поглощает вкрапленные в ее тело меньшинства других наций, но зато жертвует своими собственными меньшинствами, рассеянными в чужих национальных областях...» [11. С. 353].

Сущность концепции Реннера-Бауэра, ее ключевое звено, заключалось в том, что источником и носителем национальных прав должны служить не территории, борьба за которые лежит в основе большинства межнациональных конфликтов, а сами нации, точнее - национальные сообщества (союзы), формирующиеся на основе добровольного личного заявления. Персональную принадлежность граждан к тому или ино-

му национальному коллективу должен был определять институт так называемого кадастра (переписи), составляемого на основе личных заявлений совершеннолетних граждан. В системе национально-персональной автономии кадастр получал не меньшее публично-правовое значение, чем территория для национально-территориальной автономии. Создаваемые на основе кадастров национальные союзы, имея статус коллективного юридического лица, обязывались заботиться об удовлетворении культурных потребностей нации, через свой культурно-национальный парламент издавая законы в рамках действующей в данном государстве конституции и проводя их через свое министерство, без влияния государства.

Разрабатываемая австромарксистами модель предусматривала двойную организацию многонационального государства: одну - для целей национальной культуры, по нациям и на основе «персонального» принципа, и другую - основанную на территориальном принципе, для ведения остальных дел, не носящих национального характера. Предложенная австромарксистами модель получила название экстерриториальной, поскольку не увязывалась жестко с территорией. Иначе эта автономия называлась персональной (личной), так как предполагала включение индивида в то или иное национальное сообщество на добровольной личностной основе. Эта автономия называлась также культурной, так право автономии распространялось на область культуры в широком или узком смысле. Модель национально-персональной (экстерриториальной) автономии, в ее классическом варианте отличали три определяющих признака: персонализм, т.е. принцип добровольной этнической самоидентификации; экстерриториальность, позволяющая удовлетворять национальные интересы, не нарушая территориальной целостности государств; признание национальных союзов коллективными субъектами права, правомочными с точки зрения представительства и защиты специфических интересов национальных сообществ.

Идея национально-персональной автономии в начале XX в. приобрела широкую популярность не только в Австро-Венгрии, но и за ее пределами и, прежде всего, в России. Первое программное выражение она получила в еврейской социал-демократической партии «Бунд», а затем была воспринята и другими партиями. В экстерриториальной национально-культурной автономии бундовцы увидели вариант, свободный, с их точки зрения, от крайностей национализма сионистов и национального нигилизма еврейской интеллигенции из среды РСДРП. Бундовцы вслед за австромарксистами считали, что «национальному вопросу не соответствует территориальный ответ». Территориальная (областная) автономия, с их точки зрения, не решает национального вопроса, так как пре-

доставляется не нации, а целому «клубку наций, живущих под одной территориальной крышей». Она нужна, прежде всего, для обслуживания экономических нужд края, для децентрализации государства. В отличие от территориальной автономии, экстерриториальная (персональная) автономия (самоуправляющейся единицей здесь является не все население области, «а сумма всех лиц, принадлежащих к данной нации, хотя бы и живущих островами на "чужой" территории») дает возможность защитить культурные интересы нации [12. С. 775-776; 13. С.53]. Отсюда название, утвердившееся за бундовским вариантом национальной автономии, - национально-культурная (культурно-национальная).

Разрабатывая свою национальную программу, бундовцы испытывали на себе перекрестное влияние двух политических сил: с одной стороны, ассимиляторски настроенных соратников из РСДРП, с другой - сионистов. Пытаясь противостоять обеим силам, бундовцы стремились примирить непримиримое: «ввести национальную проблему в общую систему марксистского мировоззрения, как составное звено, подчиненное общему классовому принципу». Поэтому первоначально национальная проблема не входила в поле зрения Бунда, который ограничивался отстаиванием гражданского равноправия для евреев. По словам одного из лидеров и идеологов Бунда В. Медема, «национальная проблема, в ее полном объеме, как вопрос о правовых гарантиях свободного национального развития, прокладывала себе дорогу медленно и осторожно» [12. С. 772-774].

Впервые вопрос о расширении национальной программы, включении в нее лозунга национального равноправия взамен требования гражданского равноправия был поставлен на III съезде Бунда (Ковно, 1899). Но тогда это предложение было отвергнуто на том основании, чтобы не отвлекать внимания рабочих от классовых интересов в пользу национальных. В резолюции по национальному вопросу подчеркивалось, что Бунд «выставляет требование только гражданского, а не национального равноправия» [14. С. 34; 15. С. 84-87].

Национальный вопрос вновь был поднят на IV съезде (Белосток, 1901), который справедливо считают поворотным во взглядах Бунда на национальную проблему. Участники съезда сошлись на том, что пункт Манифеста РСДРП, гласящий, что каждая национальность имеет право самоопределения, слишком краток и требует более подробного объяснения. Они были единодушны и в признании предпочтительности национальной программы социал-демократов Австрии, придерживающейся лозунга национально-культурной автономии. «В такой стране, как Россия, где живут бок о бок столько национальностей, вопрос о них, если может быть решен, то лишь на тех основаниях, которые были приняты на Брюннском соц.-дем. конгрессе для Австрии [9], по своей разнородности напоминающей Россию. Она должна преобразоваться в федерацию национальностей, с полной автономией каждой из них по всем вопросам, имеющим отношение к национальности (язык, образование, искусство и т. д.)» [15. С. 88].

На съезде в Брюнне (Австрии, 1899 г.) южнославянские социал-демократы, как представители народов, имеющие шансы оказаться в роли национального

меньшинства даже при самой совершенной организации однонациональных областей, заявили, что «живая нация никогда не может быть отождествляема с мертвым географическим фактором - ограниченной территорией». В противовес резолюции, предлагавшей выделить «одноязычных» областей с обеспечением прав национальных меньшинств «особым законом», они выдвинули проект, предусматривавший придание территориальным областям Австрии чисто административного значения. Тем самым территориальное деление никак не влияло на национальные отношения, а вся империя превращалась в союзное государство национальностей, в котором каждый народ образовывал автономную группу, самоуправляющуюся в области своих национальных интересов. Главным критерием для конструкции национальных прав выступала не территория, занимаемая народом, а сам народ в качестве правоспособного лица, субъекта национальных прав. Территориальный принцип заменялся экстерриториальным [16].

Расхождения на IV съезде возникли при рассмотрении вопроса о роли национальной проблемы в пропаганде и агитации Бунда. После острых дебатов «была принята резолюция, которая представляла компромисс между сторонниками активной пропаганды (наряду с агитацией на экономической и политической почве) и на национальной основе, усиленно подчеркивая особое, угнетенное положение еврейской национальности, с одной стороны, и интернационалистами, осуждавшими эти идеи как националистические и выдвигавшими взамен национального равноправия лозунги политического и гражданского равенства. Съезд признал «преждевременным выставление... требования национальной автономии для евреев», считая «достаточным бороться за отмену всех исключительных законов против евреев, ...протестовать против проявлений угнетения еврейской национальности, избегая раздувания национального чувства, могущего лишь затуманить классовое сознание пролетариата и ведущего к шовинизму». В то же время в резолюции съезда говорилось, что «понятие "национальность" применимо и к еврейскому народу». Впервые было выдвинуто предложение о форме государственного устройства России как «федерации национальностей с полной национальной автономией каждой из них, независимо от обитаемой ею территории» [17. С. 83]. «В лице Бунда впервые еврейская партия выставила национальную политическую программу. И впервые же была принята национальная программа, стоящая на почве экстерриториальной идеи» [12. С. 773]. Но даже сформулировав свою национальную программу, бундовцы долгое время (до зимы 1904 г.) не считали возможным вести за нее широкую агитацию. IV съезд Бунда принял также решение о том, что РСДРП должна быть построена на федеративных началах, а Бунд, «как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее, как федеративная часть». Это решение вызвало острую полемику Бунда с «Искрой», которая на втором съезде РСДРП завершилась выходом Бунда из партии.

На V съезде Бунда (июнь-июль 1905 г.) вновь развернулась дискуссия по вопросу о более развернутой трактовке борьбы за национально-культурную автоно-

мию. Однако диапазон мнений делегатов оказался настолько широким, а противники этой идеи столь активны, что определенного решения по национальному вопросу не было принято, а ЦК Бунда не решился опубликовать материалы дискуссии [10. С. 163-164].

Окончательно программа Бунда по национальному вопросу оформилась на VI съезде, состоявшемся в Цюрихе в октябре 1905 г. Съезд еще раз подтвердил позицию Бунда в организационном вопросе (V съезд Бунда выдвинул в качестве ультимативного требования признание Бунда «единственным представителем еврейского пролетариата». II съезд РСДРП отклонил это требование, и делегация Бунда покинула съезд, заявив о выходе Бунда из партии) и расширил национальную программу, включив в нее пункт о национально-культурной автономии. В программе говорилось, что полное разрешение национального вопроса может дать только социализм. В рамках же капиталистического строя социал-демократия должна стремиться к достижению максимальных гарантий устранения национальных конфликтов. Наряду с демократизацией государственного строя, гражданского, политического и языкового равноправия, такой гарантией объявлялось создание публично-правовых учреждений, позволяющих каждой нации развивать свою культуру. С этой целью предусматривалось «изъятие из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры, ... и передача их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования». При этом оговаривалось, что центральная законодательная власть может оставлять за собой право устанавливать общие для всех национальностей России нормы: обязательность начального образования, светский характер обучения и т.п. [14. С. 34; 18. С. 588].

Сформулированная VI съездом Бунда национальная программа предусматривала культурно-национальную автономию как универсальный способ решения национального вопроса в России. Впоследствии Бунд стал видеть в культурно-национальной автономии не основное и не общее решение национального вопроса, но лишь одну из форм этого решения, в известном смысле поправку к территориальному разрешению национального вопроса [19. С. 274-275]. Эта тенденция отчетливо выявилась после Февральской революции, в частности, на X конференции Бунда, открывшейся в Петрограде 1 апреля 1917 г. Это объяснялось тем, что после Февраля отчетливо выявилась тенденция к территориальному решению национального вопроса, к построению России на федеративно-автономных началах.

В работе конференции приняли участие 63 делегата с решающим голосом и 16 с совещательным, которые представляли примерно 2000 членов Бунда от 37 местных организаций [3. С. 114; 20. С. 55]. Вопрос о национальной программе и тактике Бунда занял в работе конференции центральное место. ЦК Бунда первоначально предполагал включить в порядок дня конференции общий доклад по национальному вопросу в России. Но, как оказалось, Бунд был еще не готов к этому, поскольку «революция вынесла на поверхность политической жизни такое разнообразие скре-

щающихся между собой национальных идеологий, выдвинула столько острых моментов в линиях борьбы за национальное самоопределение, что согласование всего этого материала с классовой борьбой пролетариата и с интересами общероссийской революции потребовало бы значительной подготовительной работы» [20. С. 55]. Поэтому конференция постановила для предварительной разработки этого вопроса образовать специальную комиссию из представителей Бунда, РСДРП и социалистических партий других национальностей [20. С. 59; 21. С. 66].

И фактически центральным вопросом, обсуждаемым конференцией, стал вопрос о национально-культурной автономии. Основной докладчик по этому вопросу Т.Б. Гейликман высказался против политического самоопределения наций и доказывал нежелательность превращения России в федеративную республику. Подчеркивая, что сепаратистские стремления угнетенных народов могут разбить силы рабочего класса и тем самым его ослабить, он предлагал ожидать созыва Учредительного собрания и готовиться к осуществлению культурно-национальной автономии, а пока укреплять всеми мерами власть Временного правительства, которое отменило «черту оседлости» и провозгласило равноправие евреев [22. Л. 20; 3. С. 122].

С докладами о национально-культурной автономии и способах ее осуществления выступили С. Гинцбург (Е. Гиссер) и М. Рафес (Вильнер). «Настал момент, - сказал Рафес, - когда мы должны дать ответ "Искре", как мы осуществим нац[ионально]-культ[урную] автономию и есть ли под ней почва после осуществления равноправия» [22. Л. 21]. В отличие от мелкой буржуазии, пролетариат, по словам Е. Гиссера, не заинтересован в национальной территории. Наоборот, он борется «против территориальных преград», борясь «за интернациональную основу», он борется за национальную культуру, «за ее демократизацию, за ее народность и доступность» в интересах не одной группы, а «всей нации». Поэтому Бунд требует «содержания школ, гимназий, народных университетов за счет государства». «Пролетариат не может, - сказал он, - иметь национально-экономических вопросов, которые суть дело государства, вопросов религиозных - дело совести личной, дело частное, в которые не должны вмешиваться ни государство, ни пролетариат, как класс, обеспечивая лишь каждому свободу совести». Вопрос о языках в суде, полиции и администрации - также вопрос общегосударственный. Наши задачи - «создать свободные еврейские общины для управления вопросами еврейской культуры. Для каждого города должно быть создано еврейское самоуправление...». Эти самоуправляющиеся единицы могут объединяться [22. Л. 20-21 об.]. По мнению Рафеса, «должны быть созданы две общины: религиозная и культурная» [22. Л. 21].

Показателен спор, разгоревшийся вокруг вопроса о том, нация ли евреи? В своем докладе Т.Б. Гейликман сделал акцент на том, что прежняя установка Бунда на отказ от прогнозов, от признания сохранения в будущем еврейской нации является «невыдержанной», ошибочной. Политика Бунда в этом отношении не должна быть «страусовой», необходимо признать будущее за еврейской нацией, поскольку еврейский пролетариат создал не только классовое

движение, но и национальную культуру и язык, содержание которого для еврейства носит общеклассовый характер [22. Л. 20-20 об.; 3. С. 123].

Если Е. Гиссер исходил в своем обосновании прав на свободное культурное развитие исключительно из классовых интересов пролетариата, то Гейликман утверждал, что гарантии свободного развития требует создаваемая пролетариатом национальная культура как таковая, а основой еврейской национальной культуры является, по его мнению, язык еврейских масс - идиш. Вокруг вопроса о том, что является основным отличительным признаком национально-культурного самоуправления, развернулась страстная полемика. Одни утверждали - «идиш», язык масс, другие - вся культурная деятельность масс, независимо от языка. Некоторая часть «идишистов» даже настаивала на том, что членами национально-культурной автономии могут быть только говорящие на «идиш». Но, отвечали им оппоненты (М. Рафес), если признать разговорный еврейский язык признаком принадлежности к еврейской нации, то этим можно исключить из еврейской среды всех евреев, которые говорят на других языках, но не желают отказаться от права называться евреями [22. Л. 21; 3. С. 123; 23]. Соглашаясь, что еврейские массы в своей культурной жизни и повседневной борьбе пользуются «жаргоном», оппоненты «идишистов» подчеркивали, что «идиш» не исчерпывает все содержание национального движения, которое определяет весь строй культурных нужд нации во всех ее слоях и перерастает языковые рамки [20. С. 60-61]. После бурных прений резолюция со всеми поправками была сдана в комиссию. Но выдвинутое комиссией отождествление национально-культурной и языковой автономии конференция отвергла. Поэтому из резолюции по вопросу об автономии были выделены в особую резолюцию все ее части, касающиеся языка [20. С. 62; 23].

В резолюциях «О национально-культурной автономии» и «Об осуществлении национально-культурной автономии» конференция выдвинула «как актуальный лозунг требование немедленного осуществления национально-культурной автономии для еврейского народа. Особым законом Учредительного собрания должны быть созданы для каждой местности, округа и района, а равно и всей страны - избранные на основе всеобщего, равного, без различия пола, прямого и тайного голосования публично-правовые учреждения, которые должны организовать и направлять всю культурную жизнь еврейской национальности России». Но еще до созыва Учредительного собрания рекомендовалось «приступить к созданию на местах органов национально-культурной автономии», которые должны были взять на себя заведование всеми существующими еврейскими школами. Временное правительство должно было издать декрет о том, что еврейские школы входят в общую школьную сеть, а еврейский язык служит в них языком преподавания [24. С. 14-15].

В компетенцию национально-культурной автономии включалась «вся культурная жизнь нации: школьное и просветительное дело, развитие литературы, искусства, научного и технического знания». Религиозные вопросы в компетенцию национально-культурной автономии не включались. Для удовлетворения религиозных нужд предусматривалось образование религи-

озной общины как частно-правового института. Членом автономии могли быть евреи, признающие себя таковыми. Языком национально-культурной автономии признавался еврейский язык. Финансовое обеспечение национально-культурной организации должно было осуществляться за счет общегосударственных средств и местного самоуправления. Предусматривалось также право принудительного налогообложения членов национальной автономии [24. С. 14].

Бурные споры на конференции вызвал вопрос об осуществлении национально-культурной автономии и, в частности, об участии Бунда во Всероссийском еврейском съезде, в отношении которого среди бундовцев не было единодушного мнения. После свержения самодержавия еврейская общественность возлагала большие надежды на созыв «еврейского учредительного собрания» - Всероссийского еврейского съезда, который мог бы подготовить и представить Всероссийскому учредительному собранию единые требования российского еврейства. При всех различиях подходов к решению еврейского вопроса в России еврейские партии имели близкий взгляд на проблему равноправия евреев в России: самоуправление в форме экстерриториальной автономии на основе либо традиционной (ортодоксы), либо демократизированной (социалисты) еврейской общины. В то же время между различными еврейскими партиями, особенно между сионистами и Бундом, имелись серьезные разногласия. Основным предметом межпартийных дебатов был вопрос о включении в программу съезда вопроса о создании еврейского государства в Палестине, а также о положении евреев в Польше и Румынии. Но в конечном итоге идея созыва съезда была поддержана всеми политическими течениями в еврейском движении. Созыв съезда неоднократно откладывался и в условиях развернувшейся затем гражданской войны так и не состоялся.

Председатель ЦК Бунда А.И. Вайнштейн и М. Рафес настаивали на участии в съезде, чтобы «вырвать еврейскую мелкую буржуазию из рук старого начала и установить связь с еврейской демократией». По мнению Рафеса, участие в съезде поведет к «...усилению, к укреплению Бунда, к превращению его в сильную классовую партию еврейства России» [22. Л. 21 об.]. Либер считал, что еврейский съезд созывается лишь для того, чтобы еврейские буржуазные деятели укрепили свой авторитет и показали, что последователей Бунда - ничтожная горстка. Мнения настолько разошлись, что представитель правого крыла Д. Заславский предложил вовсе не принимать решения, пойти по стопам кадетов, которые оставили открытым аграрный вопрос. Однако конференция постановила передать составление резолюции специальной комиссии, и в заседании 3 апреля было принято решение об участии Бунда в съезде [3. С. 123-124].

В принятой резолюции необходимость участия Бунда во Всероссийском еврейском съезде обосновывалась тем, что съезд должен стать «средством борьбы за осуществление еврейской культурно-национальной автономии». Особо оговаривалось, что представители Бунда будут «энергично бороться против всяких попыток выдвинуть какие-нибудь другие якобы общенациональные или политические задачи». Окон-

нательное решение поставленных на еврейском съезде вопросов относилось к компетенции Всероссийского учредительного собрания [24. С. 15-16]. В дальнейшем при обсуждении повестки дня Всероссийского еврейского съезда бундовская делегация выступила с протестом против обеспечения прав евреев в других странах: Польше, Румынии, Палестине. Свое участие в съезде Бунд оговаривал непременным условием «конституирования еврейской нации современной и светской, а не как религиозного сообщества» [3. С. 125]. Но в полемике с сионистами бундовцы вынуждены были идти на уступки сионистам.

Положительную оценку в решениях конференции получил акт Временного правительства об отмене религиозных и национальных ограничений, хотя в нем ничего не говорилось о необходимости пересмотра действующих законов об употреблении местных языков в государственных и общественных учреждениях. Конференция констатировала, что обстоятельства, при которых произошла отмена еврейского бесправия, вполне подтвердили обоснованность тактики Бунда по еврейскому вопросу, который всегда утверждал, что только борьба за полное уничтожение самодержавия поведет к уничтожению гражданского бесправия [24. С. 16; 21. С. 69].

Здесь следует отметить, что в первоначальном проекте постановления Временного правительства об отмене национальных и религиозных ограничений особым пунктом предусматривалась необходимость поручить министрам немедленно приступить к пересмотру действующих законов об употреблении местных языков и наречий в государственных и общественных учреждениях. В окончательном тексте закона этот пункт был исключен [25. С. 17]. Но представители Бунда в Петроградском совете не только не внесли никаких дополнений в урезанную декларацию Временного правительства, но даже проголосовали против поправки о культурном и политическом самоопределении национальностей. Как объяснили Канторович и Заславский в «Дне», неудобно было в тот момент, когда Временное правительство нуждалось в поддержке, ставить максимальные требования. Чтобы сгладить впечатление об умеренности своих требований, ЦК Бунда принял решение разработать законопроект о правах местных языков и представить его Временному правительству [3. С. 122]. Конференция одобрила эти шаги, предпринятые ЦК Бунда по разработке законопроекта о равноправии языков. Только когда это требование будет осуществлено, говорилось в резолюции, можно будет приблизить органы местного управления и самоуправления ко всем слоям населения [24. С. 16].

В основу законопроекта было положено требование о праве национальных меньшинств обращаться в государственные и общественные учреждения на родном языке. Законопроект предусматривал, что местным (родным) языком признается язык, на котором говорит не меньше 10 % всего населения губернии или области, или не меньше 20 % населения городов и сельских поселений [25. С. 18-19; 21. С. 20-21].

Современники отмечали, что «Х конференция закончила работу VI съезда. Она конкретизировала идею национально-культурного самоуправления и придала

ей вполне реальный облик. Она выдвинула определенную тактику и указала ближайшие пути к осуществлению организации национального самоуправления. Она связала тактику в области национальных языков с общепролетарской тактикой (революционное самоуправление в области строительства муниципалитетов). Наконец, она выдвинула национальный вопрос в общероссийском масштабе перед лицом всей социал-демократии» [20. С. 63].

Х конференция Бунда детализировала идею национально-культурной автономии и высказалась за ее немедленное, еще до созыва Учредительного собрания, осуществление путем создания на местах органов культурной автономии еврейского народа, на которые возлагалось заведование всеми еврейскими школами. Учредительное собрание России особым законом должно было установить публично-правовые учреждения для организации и руководства всей культурной жизнью евреев в России. Предусматривался светский характер учреждений культурной автономии, языком которых должен быть еврейский разговорный язык (идиш). Решения конференции предусматривали предоставление в распоряжение органов культурной автономии соответствующей части бюджета из частных и общегосударственных средств и право принудительной власти, в частности, право дополнительного обложения членов автономии. Формула культурно-национальной автономии, принятая Х конференцией, как отмечал позднее один из ее активных участников М.Г. Рафес, не делала ее, как ранее, «панацеей для всех наций, населяющих Россию». Речь шла лишь об одной, еврейской, нации [19. С. 277].

Бунд считал одной из своих важнейших задач добиться признания российскими социал-демократами, что программа культурно-национальной автономии не противоречит программе РСДРП. Меньшевики в национальном вопросе находились под влиянием Бунда и попали под «обаяние» культурно-автономистских идей. Состоявшаяся в августе 1912 г. в Вене конференция меньшевиков-«ликвидаторов», в которой приняли участие бундовцы, латышские и литовские с.-д, польские социалисты, представители других национальных с.-д. партий, признала, что лозунг культурно-национальной автономии «не идет вразрез» с партийной программой. Резолюция по вопросу о культурно-национальной автономии, принятая конференцией РСДРП (Вена, 12-20 августа 1912 г.), гласила: «Выслушав сообщение кавказского делегата о том, что как на последней конференции кавказских организаций РСДРП, так и в литературных органах этих организаций выяснилось мнение кавказских товарищей о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта партийной программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идет вразрез с точным смыслом последней, и высказывает пожелание, чтобы национальный вопрос был включен в порядок дня ближайшего съезда Р.С.-Д.Р.П.»

Большевистская часть РСДРП, напротив, с самого начала заняла по отношению к национально-культурной автономии непримиримую позицию, рассматривая ее как реакционную, националистическую затею Бунда, раскалывающую рабочее движение по националь-

ному признаку и ослабляющую тем самым его натиск. Пик большевистской критики бундовской программы культурно-национальной автономии, вызванный принятием августовской конференцией меньшевиков-ликвидаторов решения о ее приемлемости в качестве программного положения, приходится на 1913-1914 гг. Особая роль в критике культурно-национальной автономии принадлежит В.И. Ленину, который был крайне «возмущен» решением конференции «ликвидаторов». Он считал культурно-национальную автономию «реакционной» и «вредной» «и с точки зрения демократии, и еще больше с точки зрения пролетариата», поскольку она стремится «конституировать» и «воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный национализм», «разгородить крепко и прочно все нации между собой». В противоречии культурно-национальной автономии «интернационализму классовой борьбы пролетариата», с точки зрения Ленина, заключался «основной, принципиальный грех этой программы», «ее идейная основа и содержание» [25. С. 317; 26. С. 131, 133].

Сводя суть культурно-национальной автономии к разделению школьного дела по национальностям, В.И. Ленин противопоставлял этой, по его словам, «реакционной, вредной, мешанской, националистической», «пресловутой», «мелкобуржуазной», «глупенькой», «утопической» и т.п. идее принцип «безусловного» и «полного» равноправия наций и «неразрывно связанное» с ним обеспечение прав национального меньшинства, что, по его мнению, могло быть осуществлено путем «издания общегосударственного закона, ограждающего права всякого национального меньшинства... По этому закону, всякое мероприятие, посредством которого национальное большинство пыталось бы создать для себя национальную привилегию или умалить права национального меньшинства (в области учебного дела, употребления того или иного языка, в делах бюджетных и т.д.), должно быть объявлено не имеющим силы, а проведение такого мероприятия запрещено под страхом наказания» [27. С. 317; 28. С. 140]. В.И. Лениным был даже написан специальный «Проект закона о равноправии наций и о защите национальных меньшинств», который он предлагал внести на рассмотрение Государственной думы. По его мнению, «этим путем можно было бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и у б и т ь сторонников этой глупости окончательно» [29. С. 291]. Соответствующее требование с одновременным выражением отрицательного отношения к программе культурно-национальной автономии было включено в резолюции Поронинского совещания ЦК РСДРП(б) (1913 г.) и Апрельской конференции РСДРП(б) в 1917 г.

Меньшевики пришли к признанию культурно-национальной автономии как программного принципа лишь в 1917 г. Впервые они подняли вопрос о национальной программе на всероссийской конференции партии в мае 1917 г. Однако обсуждение национального вопроса тогда не вышло за пределы национальной секции из-за неподготовленности к его решению. В разработанной национальной секцией резолюции предлагалась, во-первых, широкая политическая автономия для областей, отличающихся национальными, этнографическими, куль-

турно-историческими и социально-экономическими особенностями, и, во-вторых, «гарантии культурного развития для национальных меньшинств, в частности, автономия школьного дела и гарантированное законом право употребления родного языка в суде, административных учреждениях и в органах местного самоуправления» [30. С. 19, 52-54]. Как видим, это не была еще культурно-национальная автономия в чистом виде.

Более определенно свое отношение к культурной автономии меньшевики сформулировали в избирательной платформе к Учредительному собранию, опубликованной в июле 1917 г. В этом документе говорилось, что меньшевики, отстаивая «целость, единство и неделимость России» в интересах освободительной борьбы пролетариата, будут одновременно добиваться «самого широкого самоуправления вплоть до автономии областей, отличающихся своими национальными, экономическими и бытовыми особенностями», т.е. национально-территориальной автономии, а для национальных меньшинств - культурно-национальной автономии, «т.е. создания самоуправляющихся союзов, обнимающих всех членов данной национальности, каковым союзам государство и передаст заведывание всеми делами, касающимися культуры данной нации...» [31].

Окончательное признание меньшевиками культурно-национальной автономии в качестве программного положения произошло на объединительном съезде РСДРП в августе 1917 г. Бунд был представлен на съезде 32 делегатами от 31 организации с 18300 членами. Бундовскую фракцию неофициально возглавлял Либер. Принятая съездом резолюция по национальному вопросу гласила: РСДРП будет добиваться «полного равноправия национальностей, широкой территориальной автономии для областей, отличающихся своим национальным составом, а также хозяйственно-бытовыми условиями, при гарантии общегосударственных законов действительной защиты прав национальных меньшинств на основе принципа культурно-национальной автономии» [31. 30 авг. (12 сент.)]. Бунд мог праздновать победу: их многолетние усилия, направленные на включение культурно-национальной автономии в программные установки РСДРП, наконец, увенчались успехом. Бундовский публицист с удовлетворением констатировал: «Со времени объединительного съезда программа Бунда по национальному вопросу стала программой партии в целом. Фронт социальной демократии, единый по всем вопросам классовой политики пролетариата, будет един и в его национальной политике. Это, несомненно, множит силы демократии в борьбе за национальную свободу. И поэтому мы приветствуем решение объединительного съезда» [32. С. 8].

Резюмируя сказанное, отметим, что идеологи Бунда не считали, будто их программа культурно-национальной автономии ревизует марксизм, в чем их обвиняли большевики, а, напротив, утверждали, что она является его развитием применительно к решению еврейского вопроса в частности и проблемы национальных меньшинств в целом. Своим пересмотром марксизма в национальном вопросе Бунд подтолкнул российских социал-демократов к учету национальной специфики в их программных установках и политической деятельности, а меньшевиков - к признанию культурно-национальной автономии своим программным требованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панакас Ч.В. Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики Бунда (190В - октябрь 1917 г.). М., 1972.
2. Шестак Ю.И. Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. М., 1980.
3. Червякова М.М. Борьба большевиков против соглашательства и демократической контрреволюции Бунда//Деятельность партийных организаций по осуществлению первых социалистических преобразований в Сибири в годы Советской власти. Калинин, 1977.
4. Червякова М.М. Политическое банкротство Бунда после победы социалистической революции//Банкротство мелкобуржуазных партий России (1917-1922 гг.). М., 1977. Ч. II.
5. Червякова М.М. Идейный разгром большевиками оппортунистической теории и политики Бунда (1897-1921 гг.)/Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1982.
6. Овруцкий Л.М., Червякова М.М. Бунд - известный и неизвестный (из истории российских партий)//Родина, 1991.
7. Кривенький В. Бунд//Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.
8. Червякова М.М. О противоречиях Бунда//История национальных политических партий России. М. 1997.
9. Щукман Г. Ленин, Бунд и национальный вопрос//Россия в XX веке. М., 1994.
10. Якевич И. Требование национально-культурной автономии для евреев Российской империи в программе Бунда в 1901-1906 годах //Материалы Седьмой международной конференции по иудаике. М., 2000.
11. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.
12. Медем В. Национальное движение и национальные социалистические партии в России//Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910.
13. Медем В. Социал-демократия и национальный вопрос. СПб., 1906.
14. Дубнов С.М. Евреи в России в царствование Николая II (1894-1914). М.; Пг., 1923.
15. Бухбиндер И.А. История еврейского рабочего движения в России. По неизданным архивным материалам. Л., 1925.
16. Ратнер М.Б. Национальный вопрос в свете социалистического мировоззрения//Русское богатство. 1908, № 2. С. 59-60.
17. Программные документы национальных политических партий и организаций в России (конец XIX - 1917 г.). Вып. 1. М., 1996.
18. Этингер Ш. Очерк истории еврейского народа. Иерусалим, 1993.
19. Рафес М.Г. Очерки по истории Бунда. М., 1923.
20. Золотарев А. X конференция Бунда (личные впечатления)//Наша трибуна. Сб. 1. М., 1917.
21. Наша трибуна. Сб. 1. М., 1917.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 271. Оп. 2. Д. 8.
23. День. Пг., 1917, 6 апр.
24. Программа Российской социал-демократической рабочей организации и Бунда по национальному вопросу. Саратов, 1917.
25. Рубин И. Местные языки в государственных и общественных учреждениях//Наша трибуна. Сб. 1. М., 1917.
26. Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 69.
27. Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу//Полн. собр. соч. Т. 23.
28. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу//Полн. собр. соч. Т. 24.
29. Ленин В.И. Письмо С.Г. Шаумяну//Полн. собр. соч. Т. 48.
30. Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП. Пг., 1917.
31. Вперед. М., 1917, 1(14) августа.
32. Канторович В. Национальный вопрос на Объединительном съезде//Голос Бунда. Пг., 1917. № 4.

Статья предоставлена кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 21 ноября 2002 г.